

Слова и вещи в художественном мире повести В. П. Астафьева «Кража»²

Главные герои повести В. Астафьева «Кража» (1966) – дети и подростки тридцатых годов, обитающие в детском доме заполярного Краесветска. Среди них немало «почти бандитов»³. Неудивительно, что большинство детдомовцев прекрасно владеют блатным жаргоном и частенько к нему прибегают. Но поскольку они еще и школьники, то вполне естественно, что их речь полна штампов советского новояза. Другой языковой пласт повести связан с заведующим детдомом Валерианом Ивановичем Репниным – интеллигентом, потомственным дворянином, бывшим офицером царской и колчаковской армии. Он может изъясняться «высокопарно» [с. 56], но может и «рвякнуть с офицерским зыком»: «Прекратить!», «Встать!», «Р-разойдись!» [с. 54, 105, 132].

Жизнь в Краесветске – это настоящее вавилонское столпотворение. При царящем здесь смешении языков достичь взаимопонимания очень непросто. Толя Мазов использует в разговоре с бывшей заведующей избой-читальней Маргаритой Сергеевной распространенное жаргонное словечко «спок!» На лагерно-тюремном сленге – это «условный сигнал: все в порядке! спокойно!»⁴ «Что такое?» – переспрашивает воспитательница. – «Будь спок-то? Будьте спокойны. Понятно?» – поясняет Толя. Но, даже получив перевод, Маргарита Сергеевна отказывается от налаживания диалога: «Понятно.

---

¹ Куляпин Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

³ Астафьев В. П. Кража // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Кража. Рассказы. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – С. 102. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием номера страницы в скобках.

⁴ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 232.

Словечки эти ваши сведут меня с ума» [с. 14].

Толя, Женька и Мишка знакомятся с группой заключенных, которые не сразу распознают в них детдомовцев, поэтому, употребив жаргонизм, тут же добавляют синоним из общеупотребительного лексикона: «Уведите табачку у корынцев, у папочек своих...» [с. 159]. Далек не каждый, разумеется, знает, что «корынец – отец»⁵. На самом деле детдомовцам нужно разъяснять не блатные словечки, а книжные, в частности те, которые время от времени вставляет в свою речь Валериан Иванович. Так, свои вечерние прогулки он «называет непонятым словом “моцион”» [с. 216].

Перевод, порой нужен не только героям повести, но и читателям. Доля от украденного, «твердо обещанная» Деменкову, обозначена в тексте как «сармак» [с. 36]. У этого слова два неизвестных непосвященным значения: «1. Деньги. 2. Кошелек с деньгами»⁶.

При переводе с одного языка на другой та или иная часть смысла неизбежно теряется, а в иных случаях перевод невозможен в принципе. Русская классика, которую «проходят» в школе, непереводаема на лагерный язык тридцатых. Толя Мазов – большой любитель чтения, тем не менее, он очень неточно пересказывает произведения Тургенева и Гоголя: «А Герасим? – подхватил Толя. – У него собаку утопили, а он... А этот, как его? У Гоголя-то? Акакий Акакиевич? Герой! Шубу последнюю с него сблочили... А он?! И все какие-то!...» [с. 139–140]. Муму утопил сам Герасим, что в корне меняет сущность рассказа, а у Акакия Акакиевича похитили не шубу, а шинель. Но не в этом суть. Пересказывая повесть Гоголя, Толя без особой необходимости переходит на сленг: «Сблочить – 1. Снять одежду. 2. Ограбить (раздеть) жертву»⁷. Как раз в таких выражениях о трагедии Акакия Акакиевича могли бы сказать грабители, которые и сняли с него шинель.

---

⁵ Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. – Москва: Книжный мир, 2015. – С. 290.

⁶ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 216.

⁷ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 217.

Получается, что Толя смотрит на ситуацию с точки зрения тех самых «сблочников», что ограбили Акакия Акакиевича. Никакого сострадания к «маленькому человеку» у астафьевского героя нет и быть не может. Его кумиры Пугачев, Разин и Болотников, которых баре «ворами обзывали». Толя, конечно, считает, что это клевета, но «брякнув про воров», он не зря «даже съежился, глаза забегали» [с. 140]. Воровское дело знакомо ему не понаслышке.

Культура прошлого непонятна, бесполезна и никому не нужна. Валериан Николаевич подарил воспитанникам пластинку с записью хора «Ноченька» из потрясшей его когда-то в юности оперы А. Рубинштейна «Демон». Вскоре он «обнаружил черные осколки этой пластинки за дровяным сараем, куда выносили мусор из дома. Ребята разбили “Ноченьку”» [с. 44]. Бессмысленные осколки, выброшенные в мусорную кучу, это все, что осталось от классики XIX века.

У насильно согнанных в Краесветск людей, представляющих разные национальности, культуры, поколения, нет ничего общего, поэтому приходится все время прибегать к переводу с одного языка на другой – часто безрезультатно.

Закономерно возникновение в этих условиях феномена двуязычия. Ключевой для развития сюжета повести поступок Толи Мазова – забрать из тайника украденные деньги, чтобы после отнести их в милицию, детдомовцами и Валерианом Ивановичем оценивается по-разному. Видимо, поэтому Астафьев выстраивает синонимический ряд: «...прежде чем решиться вынуть кирпич и перепрятать деньги, сделать перетырку, как говорят ребята, Толя присел на холодную слегу, сгорбился, задумался» [с. 116]. «Перетырка» на блатном жаргоне – это либо «незаметная передача краденного сообщнику при угрозе задержания», либо «перепрятывание краденного»⁸. Перепрятывание и перертырка – только отчасти синонимы. Если цель Толи спасение невинно пострадавшей кассирши и ее детей, то

---

⁸ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 173.

деньги он перепрятал. Правда, бедственные последствия кражи герой устраняет другими кражами. Есть у Толиного поступка и обратная сторона: он, вне всякого сомнения, нарушает воровской закон. Символично, что «перетыренные» деньги он прячет в крысиной норе, а «крыса» на фене – это «арестант, взявший чужую вещь без спроса. Как правило, речь может идти о продуктах, чае, сигаретах, наркотиках и деньгах»⁹.

«Воровская речь должна изобличать в воре “своего”, доказывать его полную принадлежность воровскому миру...» Особый язык нужен людям, «поставившим себя в резко враждебные отношения ко всему “легальному” обществу»¹⁰. Жители Краесветская как раз такие.

Артистичный Женька Шорников остроумно пародирует популярные советские песни: «А уж с песней “Легко на сердце” он устроил такую распотеху, что весь детдом покатывался: “И любит выпить директор столовой, и вместе с ним любят выпить повара!” – пел он. Песня эта быстро разошлась по городу. А недавно Женька подхватил новую песню из кино и тут же переиначил ее: “У высоких стен универмага спекулянты в очередь стоят”» [с. 144]. Показателен успех Женькиных кавер-версий не только среди детдомовцев, но и у горожан – ссыльнопоселенцев в массе своей. Его пародии падают на подготовленную почву. Дерзко и, пожалуй, даже несколько цинично, выглядит другая творчески переосмысленная детдомовцами песня: «Все выше, и выше, и выше! / И вот уж коленки видать!..» [с. 204]. Надо учесть, что издевательской переделке подвергнут не просто тот или иной шлягер. «Авиамарш» с 1933 года – официальный гимн Военно-воздушных сил СССР, а песня из кинофильма «Трактористы» (1939) «Три танкиста» («У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят») стала неформальным гимном советских танкистов и пограничников.

Женька Шорников, забавляясь, вскрывает фальшь советских

---

⁹ Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. – Москва: Книжный мир, 2015. – С. 304.

¹⁰ Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Край Москвы, 1992. – С. 365, 356.

идеологических штампов. Другие детдомовцы ведут себя еще более вызывающе. Так, Попик срывает попытку педсовета Четвертой школы провести в детдоме пионерский сбор. Он просит «разрешения спеть песню, несмело давая понять, что хотел бы участвовать в самодеятельности пионерского отряда» и, получив разрешение пионервожатой, «с серьезнейшим видом запел:

Граждане, послушайте меня!

Гоп со смыком – это буду я!..

Сбор получился недостаточно удачным» [с. 183].

«Гоп со смыком», наряду с «Муркой», – одна из самых известных блатных песен.

Относясь ко всему официозному с нескрываемой иронией, герои Астафьева умело мимикрируют под правильных советских граждан. Представителя Краесветского лесокombината Махнева детдомовцы растрогали, исполнив красноармейскую песню «Взвейся, знамя коммунизма...», «которую Авдей Захарович пел в гражданскую войну»: «песню рванули, аж гвозди в рамках разгинались!» [с. 201, 202].

Толя Мазов репетирует ответ по поэме «Мцыри» на уроке литературы: «Главное, насчет мечты не забыть, все, мол, мечты исполнились в наше время, и сказка становится былью. Это учителя очень даже любят, когда своими словами» [с. 169]. Слова-то как раз не свои, а навязанные школьными учебниками. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», – первая строчка из того самого «Авиамарша», над оптимистическим пафосом которого так остроумно поиздевался Женька Шорников. Ответ Толи – набор шаблонных формул: «“Свободолюбивый образ, дитя гор”, “проклятое время, когда царил мрак, суеверие, страшный закон...”, “но люди согревались мечтами о свободе...”» [с. 169]. Методика преподавания литературы в советской школе тридцатых годов нацелена на то, чтобы исключить возможность самостоятельной интерпретации текста, иначе Толя мог бы увидеть, что совсем рядом с ним живет современный Мцыри – кавказец Ибрагим, судьба

которого гораздо трагичнее судьбы лермонтовского героя.

Дело, однако, не только в умении жителей Краесветска притворяться, и не только в интенсивном промывании их мозгов, большинство из них искренне хотели бы стать вполне советскими. Почти все они овладели искусством двоемыслия – способны «одновременно держаться двух противоположных убеждений»¹¹.

Детдомовцы бравируют близостью к уголовному миру, но, в то же время, явно тяготятся маргинальностью своего положения в социуме. Умерший Гошка в пионерах не состоял, но на него все же надевают пионерский галстук: «пусть хоть на тот свет явится пионером Гошка Воробьев» [с. 25]. На похоронах Гошки Попик произносит нелепую речь, которую легко принять за насмешку, но это, конечно, не так: «Прощай, наш боевой друг и соратник! Мы не забудем тебя! – бодро сказал он и секунду помедлил. – Мир праху твоему...» [с. 28]. В ритуализованном выражении сожаления о смерти кого-либо «порядок слов фиксирован, однако определение *чьему-либо* может следовать после формы *праху*, что создает эффект “архаизации” стиля речи, делая его еще более высоким»¹². Попик выбирает как раз наиболее высокий, книжный вариант фразеологизма.

Для героев Астафьева характерно даже не двоемыслие, а троемыслие. Любое событие или явление они оценивают в трех системах измерения: с точки зрения маргинально-уголовного мира, советского официоза и русского дореволюционного прошлого. Так, в протесте детдомовцев против незаконного обыска соединяется несоединимое: 1) книжное – «Достоинство наше попирают, кана-альи!»; 2) блатное – «Лягавку спалим!»; 3) советское – «Голодовку объявим, как большевики в кинe!» [с. 38].

У конфликта Толи Мазова с Деменковым, Паралитиком и их приспешниками есть лингвистическая составляющая. Вначале Толя обескураживает Паралитика и его дружков, употребив «вычитанное в книгах,

---

¹¹ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 148.

¹² Фразеологический объяснительный словарь русского языка. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 308.

выхваченное из какого-то кинофильма» словоерс: «Ну-с» [с. 127]. Но затем он, по выражению детдомовцев, «раскололся». «Расколоться» – «соглашаться отдать что-либо (часто о деньгах)»¹³. Уступка была в том, что он употребил блатное слово «касанули», «а надо бы “ученое”» [с. 128]. Чтобы победить, следует вернуться к высокому стилю: «И, поняв, что оплошал, еще громче и нервней закричал: – Т-ты, ур-родина, думаешь, всех поработил?! – Ох, как долго Толя подбирал это слово и как оно пригодилось! – Думаешь, поработил?» [с. 129].

Во время второй стычки Паралитик, «по-блатному пришепетывая», обзывает Толю «лягаш», то есть – «1. Милиционер, сотрудник уголовного розыска. 2. Доносчик»¹⁴. На что Толя отвечает по-книжному: «Ты, моща из святой обители!» [с. 171]. Детдомовцам больше всего «поглянулось, какому унижению подверг Паралитика Толька учеными словами. “Хорошо, что книжки читает: скажет – как оплеуху даст! Вон Паралитик-то скис и в комнату потопал, тук-тук костыликом”» [с. 171]. Убедительной эту победу не назовешь, потому что Толя опять говорит словами чужими и, к тому же, плохо переваренными.

Владеющий двоемыслием должен уметь «забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобится»¹⁵. Толя так и действует. Паралитик угрожает ему расправой: «– Перышко по тебе скучает!» – но Толя делает вид, что напрочь забыл воровской жаргон:

– А чего это, перышко-то? – явно издеваясь, спросил Толя и поковырял мизинцем в носу.

– Перышко? – растерялся Паралитик. – Перышко-рондо! – многозначительно сощурился он.

– А-а, – снова с издевкой протянул Толя. – Я рондом не пишу. “Союзом” больше, – намекнул он, и Паралитик аж подпрыгнул на костыле» [с. 171].

¹³ Елистратов В. С. Словарь русского арго. – Москва: Русские словари, 2000. – С. 396.

¹⁴ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 132.

¹⁵ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 148.

«Перо» – арготизм начала XX века – «кинжал, нож». Его возникновение связывают «либо с метафорой (птичье перо своей формой напоминает нож, кинжал), либо с метонимией, либо с усечением основы, ср. *перочинный нож – перо*»¹⁶.

Толя вроде бы хочет вернуть слову «перо» буквальный смысл, но при этом оно все равно обозначает не письменную принадлежность, а холодное оружие. В схватке с Деменковым, который чуть не задушил Толю, его спасает перьевая ручка: «Уже задыхаясь, хрипя, Толя крутанулся, нащупал ручку с пером “Союз” и воткнул ее во что-то мягкое раз, другой...

Деменков вскрикнул, разжал каменные пальцы. <...>

Толя отскочил за тумбочку и передавленным голосом выкрикнул, размахивая ручкой, с которой брызгала кровь:

– Не будет по-вашему! Не бу...» [с. 130–131].

В краесветском смещении языков исконные связи между именем и вещью нарушены. Орудию убийства присвоено имя письменной принадлежности, следствием этого становится превращения пера фабрики «Союз» в нож. Победу Толе Мазову обеспечивает все-таки не столько знание «ученых слов», сколько способность сделать школьную ручку опасным оружием.

В мире двоящихся смыслов всегда можно выбрать тот, что выгоден тебе. Ненила Романовна Хлобыст уверена, что всех детдомовцев «в кэпэзе надо». – «А что такое кэпэзе?» – прикинувшись простачком, спрашивает Борька Клинь-голова. «– Ты, балаганный клоун, со временем обязательно узнаешь, что такое кэпэзе!» – ничего не понимая со злости, «дуром лезет в ловушку» воспитательница. «– Я и сейчас знаю! – обиделся Борька Клинь-голова. – Кэпэзе – это Красноярский пивной завод» [с. 54]. Расшифровка аббревиатуры «КПЗ», предложенная Борькой, разумеется, столь же правомерна, как и подразумеваемая Ненилой «камера предварительного заключения». Вот только наказание в результате такой подмены

---

¹⁶ Грачев М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – С. 210.

превращается в поощрение.

Все настолько зыбко, что можно даже, не оглядываясь на словари, придать слову нужное тебе значение. Паралитик требует у Толи Мазова вернуть деньги на том основании, что они «колхозные». «Деньги касанули зря! – отвечает тот. – Почти половину отдали ему! – мотнул головой Толя в сторону Деменкова. – Это колхоз, по-вашему? Колхоз?» [с. 128]. «Колхоз», о котором говорит Паралитик, – это «воровская (преступная) группа»¹⁷. Толя же привносит в понятие «колхоз» идею равенства и справедливости. И, конечно, ни то, ни другое истолкование слова «колхоз» не имеет никакого отношения к советскому лексикону. Толино словоупотребление кажется особенно странным, если учесть, что вся его семья погибла в ходе коллективизации и раскулачивания.

Первоочередная задача краесветских педагогов «устроить жизнь детдомовских ребят так, чтобы они как можно реже занимались воспоминаниями» [с. 16–17]. Репнин упрекает себя за то, что служил в годы гражданской войны «врагам своего народа»: «Способствовал чему? Кровопролитию на своей земле и, как это ни ужасно, в конечном счете сиротству». Ныне, занимаясь в Краесветске воспитанием подрастающего поколения, он думает, что тем самым «искупает свою вину» [с. 87]. Это очевидное заблуждение и попытка самооправдания, ведь сиротству он способствует именно на посту заведующего детским домом. От отца Толи Мазова, до которого случайно дошла весть о сыне, Валериан Иванович безжалостно требует: «...прошу Вас больше никогда не напоминать о себе» [с. 88]. «Чтоб мальчишка, его воспитанник, вышел в свет с хорошей, чистой биографией», он должен забыть отца [с. 88]. По Астафьеву, «исторической судьбой современного человека становится не хрустальный дворец-фаланстер, обещанный прогрессистами, но сиротская доля, противная самой природе человека»¹⁸.

¹⁷ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). – Москва: Края Москвы, 1992. – С. 110.

¹⁸ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 490.

Репнин осознает себя «человеком с подмоченной биографией» [с. 87]. Понятна его потребность «забыть обо всем, обо всем...» [с. 17]. Показательно, что и у Толи Мазова то же самое заветное желание: «Убежать бы куда-нибудь, скрыться и забыть обо всем» [с. 181].

Память о прошлом стерта полностью, так что люди «порой забывают собственное имя»: «Ибрагим его тоже забыл. И когда во время получки кассир выкликал его: Акбар-Мамед-Оглы Мамедов, он даже и к окошку не сразу шел, полагая, что кричат кого-то другого» [с. 112]. Почти у всех детдомовцев тоже нет имен – только клички и прозвища: Паралитик, Попик, Глобус и т. п.

И все же вопреки всему финал повести «Кража» оптимистичен. В середине шестидесятых годов, в атмосфере «оттепели» Астафьев пока еще «сохраняет доверие к социалистическим идеалам»¹⁹. А значит, happy end обеспечен. Гошка Воробьев, хоть и посмертно, получит и пионерский галстук, и «звучное имя» Георгий на надгробье [с. 18]. Паралитик – «человек без имени, без фамилии» [с. 11] – станет Игорем Краесветским. Дадут клятву «завязать» детдомовские виртуозы-карманники. К лучшему изменится даже власть. Над незаконно репрессированным кавказцем Ибрагимом нежданно-негаданно сжалятся и отпустят его на родину.

Астафьев стремится сгладить острые углы, причем, явно нарушая логику характеров и событий. Он и сам это чувствует. За новыми именами детдомовцев тянется шлейф общекультурных ассоциаций. «Да, Георгий. Георгий Победоносец – святой, помнится, такой был. Фу, какие глупости в голову лезут!» – обрывает свои мысли Валериан Иванович [с. 18]. «Игорь – это древнее русское имя. Был даже князь...» – некстати начинает вспоминать он, но вовремя останавливается [с. 209]. Разумеется, святой и князь – это не те духовные отцы, которые нужны советской молодежи, однако вычеркнуть их из памяти не так-то просто.

Рассмотрев «Кражу» в контексте ранних произведений Астафьева,

---

¹⁹ Слобожанинова Л. М. Виктор Астафьев на Урале // Слобожанинова Л. М. Русская проза Урала: литературно-критические статьи 2002–2011 годов. – Екатеринбург, 2015. – С. 110.

Лидия Слобожанинова отметила: «История с кражей денег, осиротевшие дети, неожиданная смерть Гошки Воробьева – все это и еще многое легко укладывается в школьную характеристику “образа”»²⁰. Это, пожалуй, так, но иной раз Астафьев не в силах скрыть иронического отношения к внезапному обретению трудным подростком Толей Мазовым сознательности: «Он герой новой формации! Эх, не забыть бы ему еще этими словами на литературе бухнуть! Сразу “отлично” поставят. В крайнем случае “хорошо”» [с. 171]. «Перековка» человеческого материала, выписанная в соответствии с канонами соцреалистического романа тридцатых годов, в шестидесятых выглядит уже немного комично и абсолютно неправдоподобно.

---

²⁰ Слобожанинова Л. М. Виктор Астафьев на Урале // Слобожанинова Л. М. Русская проза Урала: литературно-критические статьи 2002–2011 годов. – Екатеринбург, 2015. – С. 110.